

Марина Вольф

Метод гипотез и обоснование знаков сущего у Парменида*

MARINA VOLF
THE METHOD OF HYPOTHESES AND JUSTIFICATION
OF THE SIGNS OF BEING IN PARMENIDES

ABSTRACT. In B 8.1–5 DK, Parmenides lists the signs of being that should be considered as premises for his reasoning, which unfolds in B 8.6–52 DK. As a result of this procedure, the subject and predicate in B 2.3 and B 2.5 DK will be restored. However, at the beginning of the reasoning we have got two unknowns — *what* is it that exists (the subject) and *how* does it exist (the predicate), and also there is a problem — the subject of this inquiry either exists or does not exist. It is known that Plato when dealing with cases of this kind — when it comes to knowing something unknown, cases which are accompanied by a problem to which a solution is formulated which itself relies on a hypothesis that is unprovable, unverifiable and not self-evident — used the method of hypotheses. I believe that the Parmenidean reasoning can be understood as the method of hypotheses. So the whole structure in the *Truth* of Parmenides' poem could be conceived as the method of hypotheses with the following three of them: 1. The first hypothesis states that what can be spoken and thought — *is*. 2. The second hypothesis concerns 'signs of being'. 3. The third hypothesis rejects the possibility of what-is-not. All of these hypotheses should be considered as double — each Parmenidean statement about being is accompanied by a complementary, clarifying hypothesis about non-being. The suggested interpretation allows to refute accusations of tautology in B 2.3 and B 2.5 DK, clarifies the structure of reasoning in the whole poem, and also provides reasons for clarifying the origins of the method of hypotheses in Plato.

KEYWORDS: the method of hypotheses, Parmenides, Plato, signs of being.

Вопрос об уместности и осмысленности раздела *Доксы* в поэме Парменида давно занимает его читателей, начиная с Аристотеля (*Metaph.* 986b20–35, *Ph.* 1.5, 188a19–25). По мнению Аристотеля,

© М.Н. Вольф (Новосибирск). rina.volf@gmail.com. Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 12.1 (2020)

DOI: 10.25985/PI.12.1.02

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях».

Парменид, показав в *Пути Истины* недостоверность чувственных восприятий и ложность физического мира, задав правильный способ понимания того, что же именно существует, затем неожиданно возвращается к тому, что так основательно несколькими строками выше опровергал, и тем самым как будто опровергает уже и само опровержение. Куда более отдаленной от Парменида оказывается отсылка к нему у Платона. В отличие от своего ученика, Платон не собирается убеждать нас в том, что Парменид в своей поэме пытается перехитрить самого себя, но и его версия парменидовского подхода — если таковой считать диалог «Парменид» — крайне запутана и на первый взгляд мало что предлагает для понимания *Доксы*. Тем не менее, именно у Платона, в его гипотетическом методе, мы можем найти некоторые подсказки для лучшего понимания поэмы Парменида.

Стремясь объяснить, что же существует на самом деле, Парменид выстраивает целое доказательство, которое приводится в самом пространном из сохранившихся фрагментов (В 8 DK), и в его же составе дошли строки, где Парменид призывает учить мнения *смертных* и отчасти приводится изложение космологии смертных, той самой, которая так неуместно смотрелась после стройного, хотя и «многоспорного» довода в пользу парменидовского понимания сущего. Природа этого доказательства многократно обсуждалась исследователями, и многие увидели в ней доказательство от противного, близкое по структуре геометрическому¹.

Фрагмент В 8 DK начинается с перечисления так называемых «знаков сущего» (σῆματα) (В 8.1–5 DK), далее разворачивается доказательство (В 8.6–52 DK), где каждый из его шагов обосновывает один из знаков, восстанавливая и уточняя свойства сущего. Суть учения Парменида в его популярном варианте можно изложить в четырех словах: «Сущее существует, не-сущего нет», и спорить с этим, на первый взгляд, очевидным утверждением, трудно. Однако Парменид более изощренно подходит к задаче формулировки своих взглядов на существование. Начиная с хрестоматийной

¹ Ср. Szabó 1969.

статьи Г. Оуэна², все, кто касался в своих исследованиях элейского вопроса, согласятся, что ответить на него крайне непросто: Парменид, используя в В 2.3 и В 2.5 ДК бессубъектное «существует» (ἔστιν), попросту не артикулировал, что в этом случае является субъектом существования. Ответ на вопрос, что же именно существует, казалось бы, снова очевиден и напрашивается сам собой — это может быть только сущее/бытие, и именно его и подставляли в качестве пропущенного субъекта высказывания в В 2.3 и В 2.5, начиная с Г. Дильса и Ф. Корнфорда³. Однако и сам пропущенный субъект глагола «быть», и способ рассуждения, и обоснования этого положения показывают, что Парменид не хочет делать поспешных выводов и предлагает принять некоторые утверждения о том, что может существовать, только на основании процедуры доказательства.

Нестандартность используемой Парменидом в вышеуказанных строках конструкции вряд ли может быть истолкована как свидетельство о желании говорить о простом сложно; за этой конструкцией скрывается целая методологическая установка, которая решает не только задачи онтологического плана, но и тестирует возможности нового способа философского поиска. Имеются также основания полагать, что «существует» в строках В 2.3 и В 2.5 ДК используется не только без субъекта, но и без предиката, и более перспективным с точки зрения понимания философских претензий Парменида вариантом интерпретации поэмы следует признать тот, при котором отсутствие и субъекта, и предиката для «существует», равно как и для «не существует» (οὐκ ἔστιν) — это не следствие плохого владения эпическим жанром и поэтическим слогом (хотя среди сторонников «литературного» прочтения Парменида мало кто не упрекал его в плохой поэзии), а стартовая точка для хорошо продуманной структуры,

² См. Owen 1960.

³ См., например, Cornford 1939: 33–34. Прочитывая фрагмент как «то, что есть, есть», Корнфорд вставлял в перевод пропущенный субъект и замечал, что то, что имеет здесь в виду Парменид, в действительности является логической тавтологией, хотя сам греческий текст никакой тавтологии не содержит.

задающей тон всему дальнейшему элеатовскому философскому поиску. В результате последующего далее в В 8 доказательства будут восстановлены и субъект, и предикаты в загадочных строках В 2.3 и В 2.5 ДК, и показано не только то, что именно существует, но и то, каким образом оно *тем самым* существует.

Вместе с тем, к парменидовскому доказательству могут возникнуть вопросы, поскольку оно не является таковым в строгом и привычном смысле слова, особенно в контексте его соотнесения с геометрическим доказательством. Фактически Парменид в В 2 ДК задает нам условие с двумя неизвестными: *что* существует (субъект) и *как* (каким образом) (предикат). Хотя прежде чем приступить к доказательству, в В 6 и В 7 ДК Парменид принимает в качестве постулата, что сущее — есть, ничто — не есть (ἔστι γὰρ εἶναι, μηδὲν δ'οὐκ ἔστιν), однако непосредственно перед В 8 ДК вся последующая конструкция заявлена как «многоспорный довод» (πολύδηρις ἔλεγχος), в результате которого предполагается доказать тезис «*то-что-есть* существует». Становится ясно, что то, что сначала воспринималось как постулат, на деле оказалось некоторой гипотезой о существовании, которая сопровождается проблемой: субъект поиска либо существует, либо не существует. В результате доказательства предполагается обосновать эту гипотезу, и тем самым решить указанную проблему.

Обычно от доказательства ожидают, что оно будет опираться на некоторый набор аксиом. Однако вместо аксиом в В 8.1–5 ДК представлен ряд сомнительных и неочевидных свойств, которые выступают в качестве вех, подсказок для поиска на пути «есть», именуются «знаками [сущего]», совершенно неизвестно каким образом «усмотрены» и из чего «выведены», равно как и сами исходные условия для поиска, изложенные в В 2 ДК. Но здесь следует сделать поправку на то, как воспринималось доказательство в античности. Требование опираться в доказательстве на аксиомы как на очевидные положения приходит намного позднее времени Парменида, а уже в картезианской модели философского доказательства ясное и очевидное используется как критерий ис-

тины. В таком доказательстве истинность аксиомы должна быть настолько очевидна для любого, кто с ней сталкивается, что с ней невозможно спорить, невозможно ее отрицать, и на этом основании она не нуждается и в доказательстве. Понятно, что ни одно из предложенных Парменидом положений, включая знаки сущего, не является аксиомой и само нуждается в доказательстве. Однако ни античная геометрия, ни философия не знают такого критерия истины, как очевидность, а вместо него истинность чаще всего устанавливается через общепризнанность. Мы видим, как требование общепризнанности достигается, например, у Платона в сократическом методе *эленхоса* — методе, где в рассуждении на протяжении нескольких шагов обнаруживаются и устраняются противоречия, а непротиворечивым утверждением признается то, которое принимается всеми участниками дискуссии как приемлемое, общее для всех, и которое затем можно использовать как отправную точку для дальнейших рассуждений. У Аристотеля аксиомы понимаются как общие понятия (*Metaph.* 997a10–15: καθόλου γὰρ μάλιστα καὶ πάντων ἀρχαὶ τὰ ἀξιώματα ἐστίν), и они принимаются без доказательства не потому, что они очевидны, а потому, что с ними все согласны. В геометрии Евклида то, что именуется в последующем изложении «Начал» аксиомами, названо общими понятиями (κοινὰ ἔννοιαι), а некоторые положения у Евклида, которые впоследствии приобретут свойство аксиом, именуется требованиями (αἰτήματα) (Еус. 1) и задаются как допущения (постулаты), а некоторые из них впоследствии будут доказываться.

В любом случае предложенные Парменидом положения не только не очевидны, но и не являются общепринятыми, скорее, они ближе по своему характеру к Евклидовым требованиям — что нужно принять, чтобы проведенное на этом основании доказательство состоялось, т.е. по сути — это допущения или гипотезы. Таким образом, суть парменидовского доказательства — это познание неизвестного, а вернее сказать, двух неизвестных, которое сопровождается некоторой проблемой, и для ее решения

формулируется гипотеза, которая обладает рядом особенностей. Она недоказуема, поскольку имеющегося набора данных недостаточно для ее доказательства. Она непроверяема, поскольку не опирается на эмпирический материал. Она не самоочевидна, по крайней мере в части того, что касается не сущего, а также в силу неопределенности исходных понятий существования и несуществования. Например, стоит ли признать существующими только вещи физического мира, а несуществующими — ментальные объекты или непосредственно отсутствующие перед воспринимающим в момент их обсуждения, содержание мифов и фантазий и т.д. Наконец, на этих же основаниях, гипотеза не является и общим мнением, с которым согласится любой. Единственный способ что-то сделать с такой гипотезой — это либо проверить ее истинность, исходя из нее самой (для этого могут потребоваться какие-нибудь дополнительные условия — например, ввести противоположный тезис и через сведение к абсурду или противоречию либо опровергнуть, либо подтвердить исходный), либо выдвинуть еще одну гипотезу, обосновывающую предыдущую.

Фактически все перечисленные выше условия характерны для метода гипотез, который активно использовался в античной геометрии, а также у Платона⁴. На этом основании мы полагаем, что доказательство Парменида можно представить как метод гипотез. У такого подхода будут два философских приложения. Во-первых, он помогает прояснить некоторые моменты, касающиеся структуры парменидовой поэмы и ее композиции, в первую очередь вопроса о необходимости включения раздела *Доксы*, уместность которого в поэме вызывала и вызывает больше всего вопросов. В данной статье мы будем касаться именно этого момента. Во-вторых, нам кажется, он позволит прояснить некоторые вопросы, касающиеся метода гипотез в «Пармениде», поскольку имеются определенные дискуссии в академической среде относительно того, что за метод используется в этом диалоге и

⁴О методе гипотез см. Robinson 1953; Karasmanis 1987; Scolnikov 2018; Вольф 2020.

можно ли его вообще относить к семейству гипотетических методов Платона (наиболее часто обсуждаемые его примеры — *Men.* 86e, *Phd.* 100a и 101d1–e1 и *R.* 437a, и «Парменид» в этом списке почти никогда не фигурирует). Нам кажется, что то, что предлагает Парменид Элеец в своей поэме, имеет прямые пересечения с той процедурой, которую демонстрирует платоновский Парменид. Данный вопрос требует отдельного рассмотрения, поэтому в предлагаемой статье к нему мы будем обращаться только косвенно.

Гипотезе обычно приписывают две функции: или гипотеза должна что-то опровергать / быть опровергнутой — таковыми признают гипотезы в ранней философии, в частности гипотезы Зенона, которые построены на принципе сведения к противоречию опровергаемого тезиса, и по умолчанию исследователями принимается, что он не предлагал ничего нового по сравнению с Парменидом, просто проделал ту же самую процедуру, что и его учитель, разве что более технично; или гипотеза должна быть доказанной / доказать что-то другое — и обычно предполагают, что так работает *эленхос* у Платона — гипотеза или проходит процедуру *эленхоса*, или это некоторое предположение в ходе процедуры *эленхоса*, которое помогает доказать или опровергнуть очередную его посылку⁵. Ниже мы увидим, что доказательство у Парменида равно отличается от того, что мы видим и у Зенона, и у Платона в *эленхосе*. Парменид Элеец одновременно использует и негативный, и позитивный путь, который в равной степени реализуется и платоновским Парменидом. Формулировка метода

⁵ Понятно, что в ходе доказательства тезис может быть как доказан, так и опровергнут, и в таком случае разницы в этих двух функциях как будто нет. Но мы должны понимать, что гипотеза — это не случайное предположение в ненароком брошенной фразе, она всегда есть результат некоторых предварительных процедур, и как правило сформулирована таким образом, что ее автору уже известен исход, ясно, к каким результатам и каким образом она приведет. Поэтому, будет ли гипотеза «позитивной» или «негативной», т.е. будет ли она доказывать или опровергать, полностью зависит от поставленных задач и замысла рассуждающего.

в последнем случае выглядит следующим образом:

если желаешь поупражняться получше, то следует, кроме того, делать вот что: не только предполагая что-нибудь существующим, если оно существует, рассматривать выводы из этого предположения, но также предполагая то же самое несуществующим (*Prm.* 135e–136a)⁶.

В ответ на недоумение Сократа, вызванное этими словами, Парменид поясняет:

допусти, что существует многое, и посмотри, что должно из этого вытекать как для многого самого по себе в отношении к самому себе и к единому, так и для единого в отношении к самому себе и ко многому (*Prm.* 136a).

То, что мы увидим ниже в обсуждении знаков сущего, полностью согласуется со схемой, предлагаемой Парменидом в диалоге:

Парменид Платона

Одно			
Сущее		Не-сущее	
по отношению к самому себе	по отношению к его противоположному	по отношению к самому себе	по отношению к его противоположному

Парменид Элейский

существует			
Сущее		Не-сущее	
по отношению к самому себе	по отношению к его противоположному	по отношению к самому себе	по отношению к его противоположному
нерожденное	родилось	нерожденное	родилось
негибнущее	погибнет	негибнущее	погибнет
целое	больше/меньше	целое	больше/меньше
однородное	прерывное	однородное	прерывное
бездрожное	подвижное	бездрожное	подвижное
и т.д.	и т.д.	и т.д.	и т.д.

⁶ Здесь и далее пер. Н.Н. Томасова.

Однако, помимо опровергающей / доказывающей гипотезы, которую в рамках гипотетического метода можно называть высшей и которая на основании знаков сущего позволяет установить субъект высказывания о существовании, не менее интересны в рассуждении Парменида те гипотезы, которые играют роль предпосылочных гипотез для этой высшей, доказывающей гипотезы. Схема рассуждения Парменида такова, что собственно доказательство «двух сторон» о сущем и не-сущем он целиком собирает именно в доказательстве третьей гипотезы. Все остальные доказательства для Гипотезы 1 и Гипотезы 2 не слишком убедительны и скорее носят характер настраивающих и предварительных, сеющих сомнения в отношении тех самых общепринятых положений, от которых следует отталкиваться при построении доказательства. По сути, они представляют собой крайне «слабый логос», мало аргументированный, но без них «сильный логос», собственно высшая гипотеза, уже не будет настолько убедительной. Ниже мы реконструируем 3 гипотезы Парменида по схеме, соответствующей той, что используется в «Меноне» и «Федоне», демонстрирующей переход от низших гипотез к высшей, и посмотрим, какой функционал это несет для всего парменидовского рассуждения. Напомним, как условно выглядит схема гипотетического рассуждения у Платона. Оно предполагает доказательство в обе стороны: «путь вверх», или гипотетический путь, позволяет находить такие суждения, которые могли бы играть роль предпосылок для каждого его шага; «путь вниз», или дедуктивный путь, позволяет двигаться в классическом направлении от посылок к следствию. При этом все рассуждение строится не на первых принципах, а наоборот, идет к ним: эти первые принципы обнаруживаются в процессе доказательства.

Мен. 86е

Гипотетический путь	Гипотезы	Дедуктивный путь
↑	Добродетель есть благо Добродетель есть знание Добродетели можно научить	↓

Phd. 100ab

Гипотетический путь	Гипотезы	Дедуктивный путь
↑	Есть причины бессмертия души Эйдосы суть причины вещей Эйдосы существуют	↓

Итак, на наш взгляд всю структуру рассуждения в *Пути Истины* Парменида можно представить как реализацию гипотетического метода, где В 2.3 и В 2.5 ДК дается формулировка проблемы, В 6.1–2 Гипотеза 1, В 8.1–52 — доказательство *a contrario* (также специфическое для этого метода), с последовательным введением еще двух дополнительных обосновывающих гипотез. Развертывание метода в рассуждении Парменида представляется следующим образом.

Формулировка проблемы

В В 2.3–В 2.5 ДК Парменид пишет о двух возможных путях познания:

Один — как существует и как не возможно, чтобы не существовало (ἢ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὥς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι), это есть дорога убеждения (поскольку с истиной идет по одному пути). Другой — как не существует да и как должно не существовать (ὥς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὥς χρεὼν ἔστι μὴ εἶναι). Эта тропа, говорю, полностью неопостижима.

Предлагается обосновать, что что-то существует, а что-то не существует⁷. Нужно сделать какое-то приемлемое допущение, которое бы сразу не вызвало отторжения у слушателей и не по-

⁷ В греческом тексте, как видно, глагол «существует» (стоящий в тексте в 3 л., ед. числе) используется бессубъектно, и мы не будем здесь повторять все имеющиеся дискуссии насчет возможных трактовок такого использования. Для наших целей достаточно того, что Парменид опускает субъект высказывания для глаголов «существует» и «не существует», данная грамматическая форма крайне необычна для древнегреческого языка, и сложившийся на сегодняшний день консенсус в отношении такого использования глагола у Парменида отмечает, что эти строки показывают, что до того, как приступить к доказательству,

ставило того, кто его высказывает, в смешное положение, иными словами, соответствовало бы критерию общепризнанности (вспомним, какую бурю протестов и насмешек породил зеноновский тезис элейской программы «движения нет»). Та структура рассуждения, которую мы увидим ниже, вполне соответствует требованиям корректности утверждений (и рассуждений), позже сформулированным Аристотелем:

утверждение следует не только высказывать, но и указывать для него определенную причину; надо не просто полагать что-нибудь и устанавливать необоснованную аксиому, но давать обоснование — либо путем рассмотрения частных случаев, либо же путем доказательства... (*Ph.* 252a20–25)⁸.

Гипотезы 1 и 2 будут играть у Парменида роль причин, а Гипотеза 3 будет обосновывать высказанное выше утверждение через доказательство.

Гипотеза 1 (В 6.1–2, В 7) о существовании только того, что высказывается и мыслится

Формулировка гипотезы: «Необходимо существует такое сущее, которое высказывается и мыслится, а ничто не существует»⁹.

Несамоочевидность и необщепризнанность этой гипотезы понятна, например, исходя из последующей традиции. В частности, Горгий, включаясь в обсуждение элейской проблемы существования / не существования, поднимает вопрос о возможности ложных высказываний или абсурдных мыслей («колесницы состязаются на море»¹⁰), и утверждает, что если некто мыслит или высказывает нечто абсурдное, это еще не значит, что он верит, что

у нас нет окончательной и достоверной убежденности в том, что же именно существует и не существует, и этот субъект будет восстановлен только в последующем рассуждении.

⁸ Пер. В.П. Карпова.

⁹ Соответствующий ей греческий текст В 6.1–2: $\chi\rho\eta\ \tau\acute{o}\ \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\upsilon\iota\ \tau\epsilon\ \nu\omicron\epsilon\iota\upsilon\ \tau'\ \acute{\epsilon}\delta\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\mu\mu\epsilon\nu\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\ \gamma\alpha\rho\ \acute{\epsilon}\iota\nu\alpha\iota\ \mu\eta\delta\acute{\epsilon}\nu\ \delta'\ \omicron\upsilon\kappa\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\nu.$

¹⁰ Ps.-Arist. *De Melisso Xenophane Gorgia* (MXG) 980a11–12 = S.E. M. 7.79.

это так. То же самое касается вопросов сна, фантазий и тому подобного — многие согласятся признать существование кентавров и других фантазий, любых ложных утверждений на том основании, что они существуют в некотором относительном смысле, не «на самом деле». Однако Парменид абсолютизирует существование, не допуская для него никакого релятивистского понимания; это же справедливо и для принципа противоречия, в каком виде его использует Парменид, о чем мы скажем ниже. Парменид, вероятно, ожидает такого рода возражения, и потому сразу стремится снять вопросы об отсутствующих в непосредственном наблюдении или мышлении объектах, которые мы бы привычно маркировали как несуществующие непосредственно и в данный конкретный момент «в поле зрения», в духе привычных фраз в различных объявлениях «Билетов нет», «Интернета нет», в высказываниях типа «ума нет», «головы на плечах нет», «жизни нет» и т.д. Несколькими строками ранее он пишет:

Пристально смотрите на вещи, хотя бы они и отсутствуют, так же непоколебимо, как на прочно присутствующие в уме; ибо ты не отсецешь сущее от крепкого примыкания к сущему (В 4.1–2 DK).

Парменид подразумевает, что даже если нечто непосредственно и кажущимся образом отсутствует, это еще не значит, что оно отсеклось от сущего, и ниже перечисляет гипотетические условия, при в которых такое могло бы произойти, но не произойдет: даже если сущее рассеется по космосу, и в том случае, если все соберется вместе (В 4.3–4).

Итак, при некотором размышлении (что собственно и предлагает сделать Парменид — не отбрасывать это предположение сразу, а «обдумать его»: $\tau\acute{\alpha}\ \sigma'\ \epsilon\gamma\omega\ \phi\rho\acute{\alpha}\zeta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota\ \acute{\alpha}\nu\omega\upsilon\alpha$, В 6.2), и при ряде оговорок, например, что мы пока не будем касаться вопросов истинности или ложности высказываний или мыслей (вроде бы очевидно, что взятая в абсолютном смысле мысль о существовании кентавров ложна), что любое сущее *хоть как-то* существует, пусть даже в виде произнесенных звуков, данный тезис представ-

ляется приемлемым. При этом конечная цель гипотезы — показать, что главная задача этого этапа заключается в том, чтобы научиться не смешивать существующее и несуществующее и очень четко отличать одно от другого (даже если кому-то говорят, что у него «нет ума», это не значит, что его нет вообще и он перешел в разряд ничто).

Параллельно этой Гипотезе 1 в В7 ДК вводится противоположная ей гипотеза: «То, что познается с помощью чувств (видимое, слышимое и т.д.), не существует». Этот тезис, будь он выдвинут прежде «позитивной» гипотезы, вызвал бы бурю негодования, однако предложенный в пару к ней как негативная гипотеза по принципу противоположения, такого эффекта уже не производит. Аргумент от противоположения — часто используемый в античности аргумент, который основан на корреляции контрарных понятий, которые не мыслятся друг без друга, и только в паре дают полное представление об обоих членах пары. Однако и у Парменида, и позже у Горгия в речи «О не-сущем» этот аргумент в равной степени применяется к противоречивым сущему и не-сущему (ср. *MXG* 979a25–33). Можно провести аналогию противоположения ($\tau\acute{o}$ $\acute{\alpha}\nu\tau\iota\kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\nu$) с тем, как оно использовалось в античной геометрии, когда углы по двум сторонам от перпендикуляра понимались как $\acute{\alpha}\nu\tau\iota\kappa\epsilon\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$, лежащие напротив, или даже смежные. Для Парменида сущее и не-сущее отнюдь не являются чем-то смежным, однако в обычной практике людей — смешивать контрарные день и ночь, свет и тьму с противоречивыми существует и не существует, получая что-то вроде «когда есть день, нет ночи», и на этом основании строить свои рассуждения. В то же время такое использование сущего и не-сущего в аргументе от противоположения удобно для аргумента, поскольку вполне отвечает требованию общепризнанности, а также позволяет применить к ним закон контрапозиции. Действительно, если мыслимое и высказываемое с необходимостью существует, то противоположное ему, чувственно данное, *вероятно* — поскольку это гипотеза — должно не существовать, или на основании закона

контрапозиции, если мыслимое существует, тогда не существующее не мыслится, но, тем самым, воспринимается чувствами. Итак, предполагает Парменид, на ложный путь «не существует» познание направляют органы чувств (В 7.3–5 DK), и люди придерживаются некорректного способа познания, следуя привычке доверять чувственным восприятиям. Однако все эти допущения предстоит обосновать в последующих гипотезах.

Как мы отметили выше, первая гипотеза чувствительна к принципу противоречия. Абсолютизируя существование, Парменид вынужден использовать для обоснования своей позиции и абсолютный принцип противоречия. Его формулировкой служит В 7.1 DK: «ибо никогда не принудить к тому, чтобы быть не существующим». Этот принцип непротиворечия предельно строгий, он предполагает только одну формулировку «невозможно, чтобы A было не- A » и не допускает каких-либо ограничений, привычных по платоновской и в большей мере аристотелевской формулировкам — в одном и том же отношении, месте, времени и т.д. Разумеется, такой принцип непротиворечия никаким образом не согласуется с вещами феноменального мира, потому что, будучи многими, они будут одновременно и большими и малыми, и конечными и бесконечными и т.д. На разборе именно этого момента — понимании работы абсолютного и ограниченного принципов противоречия — будет сосредоточен платоновский Парменид. Однако историческому Пармениду, как верно замечает С. Скольников¹¹, бессмысленно указывать на то, что принцип непротиворечия не работает в отношении феноменальных вещей по той причине, что противоречивые свойства в них рассматриваются в *разных отношениях*. Это было бы полным нарушением общего замысла Парменида, *ignoratio elenchi*: в его понимании в отношении чего бы то ни было существующего невозможно никакое его релятивистское истолкование. Это базовый принцип, без принятия которого все остальное построение обрушится.

Наконец (что справедливо как для данного шага рассужде-

¹¹ Scolnikov 2003: 13–14.

ния, так и для каждой последующей гипотезы, выдвигаемой Парменидом), гипотезы следует рассматривать как двойные — любое его утверждение о сущем сопровождается комплементарной, уточняющей гипотезой о не-сущем, что обусловлено обозначенной выше проблемой.

Гипотеза 2 (В 8.1–5 ДК) о «знаках сущего»

Формулировка гипотезы: «Имеется только ментальный способ познания сущего, а подтверждением его ментальной природы служат некоторые знаки».

Эта вторая гипотеза является «высшей» и обосновывающей для Гипотезы 1. На том основании, что существует только то, что высказывается и мыслится, легко допустить — при условии, что к этому случаю применим закон коммутативности и оба высказывания будут эквивалентными, — что мыслится и высказывается только сущее. Парменид в В 3 ДК уже ввел постулат «ибо то же самое мыслимым быть и существовать» (τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι), который дает нам основание признать эквивалентность этих двух высказываний. В таком случае, если всякое взаимодействие с сущим опосредуется умом, то познание сущего тоже осуществляется исключительно ментально, все остальные когнитивные способности доступа к сущему не имеют. Но как обосновать, что речь идет именно о мыслимом сущем? Для этого Пармениду понадобились некоторые особые признаки, которые неочевидны, и мы уже признали выше, что требование очевидности не характерно и не обязательно для античных доказательств, но по-прежнему остается открытым вопрос, каким образом Парменид пришел к выводу, что именно эти знаки указывают на мыслимое сущее.

Понять это можно, воссоздав комплементарную «негативную гипотезу» и допустив противоположное, а именно, что чувствами познается не-сущее, и тогда все свойства, характерные для феноменальных объектов, такие как рождаться, умирать, состоять из частей и обладать множественностью и т.д., взятые в их про-

тивоположном качестве, как обратные к феноменальным, могут быть приписаны мыслимому существу. Что же касается свойств феноменального мира, то вопросы становления, возникновения и уничтожения, несвойственные началу (*αρχή*), но характерные для вещей, до Парменида многократно обсуждались в натурфилософской традиции, начиная с милетцев, и в этом Парменид, как и полагается, опирается на общепризнанные положения.

Гипотеза 3 (В 8.6 и далее), устраняющая возможность не-есть

Формулировка гипотезы: «Знаки сущего, или его свойства, не допускают противоположного и тем самым демонстрируют невозможность не сущего».

Негативная гипотеза: «Знаки не-сущего, являясь противоположными формами, противоречивы, опровергают сами себя, и тем самым делают не-существование невозможным».

Обоснование знаков сущего оказывается наиболее важной задачей Поэмы, поскольку именно знаки являются тем инструментом, который позволяет Пармениду решить исходную проблему. Рассмотрению знаков посвящена значительная часть второго раздела поэмы, *Пути Истины*¹². Парменид рассматривает знаки сущего, также применяя к ним доказательство «двух сторон» — что они такое каждый по отношению к самому себе и по отношению к иному (здесь эту роль берет на себя «многое» и его «знаки не-сущего»).

Фактически знаки сущего берут на себя роль его предикатов и позволяют уточнить, *какое именно* сущее подразумевал Парменид. Иными словами, даже если мы *уже* допустили, что из двух возможностей существует именно сущее, наше знание об этом

¹² В этом разделе мы не будем разбирать подробно все знаки и их значение, это многократно делалось: ср. *Cordero* 2004: 170–179; *Mourelatos* 1970: 94–129. Также в Вольф 2012: 305–322 мы подробно разбирали наиболее устоявшиеся интерпретации знаков, изложили и обосновали значение каждого из них в поэме с нашей точки зрения. Здесь мы только в общих чертах изложим те моменты, которые непосредственно касаются понимания того, как работает Гипотеза 3.

не будет достоверным до тех пор, пока мы не убедимся, что наше искомое сущее обладает именно этими характеристиками, и что они присущи ему в полной мере. На наш взгляд, в обсуждении знаков сущего у Парменида уже проявляет себя та проблематика, которая займет ведущее место у Платона в проблеме части и целого (ср. *Мен.* 79с, 79е): знаем ли мы сущее на основе его предикатов, или только зная сущее, мы способны установить его предикаты. Парменидовское решение аналогичной проблемы могло быть следующим: с одной стороны, мы как будто знаем то, с чем имеем дело, но чтобы удостовериться, что оно именно таково, мы должны знать его характеристики. Все «знаки сущего», а по сути — его предикаты, существенные характеристики, специфически приложимы только к такому объекту, который не имеет ни временных, ни пространственных измерений. Таковы были изначальные условия, выставленные богиней для постижения на единственном оставшемся пути «есть»: полный отказ от привычки опираться в познании на чувства (В 7 DK), и таковы же условия выведения знаков и приложения их к сущему.

Исходным положением для сформулированной выше гипотезы будет тезис, установленный в предыдущей гипотезе, что судить о сущем следует как об обратном феноменальном. Феноменальное, воспринимаемое чувствами, и тем самым, как мы предположили, не существующее, описывается как обладающие противоположными свойствами, тогда как мыслимое сущее, на основании аргумента по противоположению, не должно обладать противоположными качествами. Данное требование лежит в основе всего рассуждения о знаках сущего (В 8.6–49 DK). Парменид постоянно соотносит то или иное свойство (знак) сущего с теми знаками, которые смертные установили для вещей, ложно именую их посредством противоположных качеств и не допуская даже мысли о неприемлемости противоречивых свойств. Он убежден, что нельзя ни помыслить, ни высказаться о не-сущем самом по себе, но зато можно высказать противоречие, противоположные признаки, которые в свою очередь служат своеобразным

знаком не-сущего. Переходя к изложению *Доксы* в В 8.55 DK, он объясняет механику появления этих «знаков не-сущего» в космологии: смертные люди установили противоположности, различив их по телу и по знакам, т.е. признали, что есть два тела, огонь и ночь, которые обладают противоположными знаками (легкий – тяжелый, разреженный – плотный). Парменид отмечает, что в космологии смертных эти два тела существуют сами по себе (*κατ' αὐτό*), себе тождественные, не переходя одно в другое. При этом мысль не может удержать противоположные качества, они приводят мышление к противоречию, тем самым нейтрализуя друг друга, превращаясь в ничто. Можно сказать, что смертные, высказываясь, не высказывают ничего. В свою очередь, это может служить еще одним доводом и в пользу утверждения, что только то, что высказывается, — существует¹³.

Парменид использует знаки сущего по отдельности или блоками, соотнося их с различными противоположными качествами, и демонстрирует, что ни один из этих наборов противоположностей не согласуется с сущим. Важная предпосылка для этого утверждения кроется в значении глагола «быть», независимо от того, в каком смысле глагол используется — связочном, экзистенциальном, предикационном и т.д. Главное, что он, в отличие от глаголов действия (которые и отражают феноменальную природу), выражает значение статичности, фиксированности, локализации, состояния, противопоставленных процессам, что очень хорошо видно на знаках сущего и не-сущего: все первые выражают статичность, вторые — процессуальность, собственно действие.

Первые два знака «нерожденное» и «неподверженное гибели» очевидно противопоставляются рождению и гибели. Сами по се-

¹³ Есть определенное затруднение, связанное с природой имен у Парменида. Если следовать логике Парменида, то все имена, данные смертными, — пустые, они установлены в языке и отсутствуют в мышлении. Вопрос, имеет ли дело мышление с именами или только с одним именем (сущим), или только с субстанцией (ср. τὸ ἕκτὸς ὑλοκεῖμενον у Секста Эмпирика (*М.* 7.84–87)), требует отдельного рассмотрения.

бе эти знаки не-сущего уже являются противоречивыми, но они вмещают в себя дополнительный набор противоположных качеств, таких как, например, «позже» или «раньше». Для сущего, в свою очередь, характерным было бы существовать «всегда» или «никогда», и из этой пары мы, разумеется, выберем только одно значение; невозможно представить себе ситуацию, что существующее существовало бы никогда. Такие состояния как «сейчас или потом», «сейчас или в прошлом», «было – стало», «было – будет ~ предстоит стать» также подразумевают динамику, изменчивость, складываются из противоположных и противоречивых свойств, явно не приложимых к сущему. На этом основании Парменид делает свой знаменитый вывод: «рождение угасло, и гибель пропала без вести» (В 8.21 DK).

Следующие знаки складываются в набор, который отражает некоторые отдельные аспекты свойств сущего, однако имеет одно общее значение: целокупное, однородное (моногоенное), бездрожное и законченное. Речь идет об отсутствии у сущего частей и отсутствии у него делимости. Признать сущее лишенным частей означает согласиться с тем, что оно неделимое, везде одинаковое, т.е. однородное, целое, и соответственно не принимает такие свойства, как «там больше – тут меньше», «такое и иное», «там и тут», разные направления в пространстве и т.д., а также нельзя установить для него начало деления и исчерпание (прекращение) деления. По большому счету, начало деления и исчерпание деления оказываются просто частным случаем рождения и смерти.

Следующий набор знаков сообщает нечто удивительное о движении и как перемещении, и как изменении: сущее не обладает свойством движения, сущее не вовлечено ни в какие процессы, действия и пр. Оно, будучи себе тождественным, законченным, и пребывая в том же месте, «остается стойко», неподвижно покоится, не изменяется, не пересекает собственных границ. Тогда как не-сущему приписываются знаки, указывающие на степени законченности: недо- или пере- (недоначатое – переделан-

ное), нужда – избыток, больше здесь – меньше там. Таким образом, сущее представляется равным себе самому со всех сторон и однородным внутри своих границ, подобное сфере.

Мы помним, что противоположные тела, день и ночь, установленные смертными, Парменид охарактеризовал как себе тождественное и само по себе (κατ' αὐτό). На первый взгляд, это делает их сопоставимыми с сущим, которое также сохраняет свою самость и тождество. Однако среди знаков сущего таких предикатов мы не находим. Как кажется, для элеатов более важным признаком оказывается не самость, а отсутствие противоречия. Даже будучи самим по себе, каждое из тел в установленной людьми космологии обладает своим противоположным. Действительно, самость не позволит телам смешиваться или перетекать в другую форму, они будут сохранять свои знаки или свойства, но они при этом будут либо самопротиворечивы, либо будут вступать в противоречие с другим телом. Отсутствие противоречия в таком случае оказывается важной особенностью сущего и его основным свойством мыслимости.

Итак, если все феноменальное рассматривается через противоположное, включая и сами противоположные космологические формы, то у мыслимого сущего противоположного быть не может. Иными словами, вновь используя аргумент по противоположению, из Гипотезы 3 можно вывести важное следствие.

Следствие из Гипотезы 3: сущее есть то, что не обладает противоположным; а если у сущего не должно быть противоположного, то «не должно не-сущему быть».

Видно, что именно *Следствие из Гипотезы 3* позволяет поставить окончательную точку в решении проблемы, что именно существует – сущее или не-сущее. Но и оно же подчеркивает необходимость введения Парменидом раздела *Доксы*, а именно, если не установить все характерные «противоположные формы», не обнаружить все противоречивые феноменальные предикаты, то можно пропустить и иной в отношении них знак сущего. Попытки мыслить о не-сущем приводят либо к абсурду, либо к проти-

воречию, и наоборот, наличие противоречий ведет только к ничто. Фактически у нас нет возможности мыслить непротиворечиво о феноменальном мире, и поэтому мышление будет всегда уходить в какую-то иную, отличную от феноменальной, непротиворечивую область, но именно там и пребывает подлинное сущее.

Таким образом, предложенный Парменидом метод, реализованный им в поэме, вполне соответствует гипотетическому методу. Парменид в несколько этапов обосновывает несколько гипотетических тезисов, которые не соответствуют какой-то установившейся общепринятой норме или какому-то положению дел, где каждый последующий шаг рассуждения обосновывает предыдущий. Итогом такого рассуждения, когда в структуре доказательства мы пройдем как по «пути вверх», от гипотез к поиску их предпосылок, и обратно, по «пути вниз», от предпосылок к следствиям, окажется действительно незыблемый для всей последующей философии фундаменталистский принцип, позволяющий ввести альтернативную онтологию, подразумевающую существование объекта (объектов), чье познание осуществляется исключительно интеллигибельно, и назвать только эти объекты *существующими*. Иными словами, в результате сформулирован первый принцип, который в дальнейшем ляжет в основу практически любого философского рассуждения. Этот тип познания опирается на достаточно жесткий абсолютный принцип непротиворечия, который также надолго установит доминанту бивалентной логики в практически любом философском рассуждении. В то же время каждая гипотеза у Парменида построена таким образом, что оказывается автономной в той мере, что способна обосновать и сама себя за счет введения комплементарной ей негативной гипотезы. Используя такие принципы доказательства как противоположение, сведение к противоречию, Парменид подтверждает достоверность одной (позитивной) гипотезы и несостоятельность другой. Фактически каждая гипотеза полу-

чает 2 степени обоснования — самообоснование и обоснование высшей гипотезой.

Такая трактовка рассуждения Парменида, на наш взгляд, позволяет еще раз опровергнуть заявление о тавтологии у Парменида в В.2.3 и В.2.5, уточнить суть и структуру доказательства в поэме, а также дает основания показать, что, возможно, истоки гипотетического метода Платона следует искать у Парменида, чьи принципы рассуждения были переосмыслены Платоном. При этом особенности гипотетического метода в «Пармениде», который имеет серьезные расхождения с аналогичным методом в «Меноне» и «Федоне», вызваны тем, что Платон старался держаться исходного элейского варианта, и даже в его более ранней и оригинальной трактовке, чем классическое *a contrario* Зенона, — вполне точно передавая особенности рассуждения в поэме Парменида.

Литература

- Вольф, М.Н. (2020), “Гипотетический метод Платона: стоит ли возобновлять дискуссию?”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 14.1: 246–256.
- Вольф, М.Н. (2012), *Философский поиск: Гераклит и Парменид*. СПб: РХГА.
- Cordero, N.-L. (2004), *By Being, It Is. The Thesis of Parmenides*. Trans. by D. Livingstone. Las Vegas: Parmenides Publishing.
- Cornford, F.M. (1939), *Plato and Parmenides: Parmenides' Way of Truth and Plato's Parmenides*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.
- Karasmanis, V. (1987), *The Hypothetical Method in Plato's Middle Dialogues*. Oxford University Press.
- Mourelatos, A.P.D. (2008), *The Route of Parmenides: A New Revised Edition with a New Introduction, Three Additional Essays and a Previously Unpublished Paper by Gregory Vlastos*. Las Vegas: Parmenides Publishing.
- Owen, G.E.L. (1960), “Eleatic Question”, *Classical Quarterly* 10: 84–102.
- Robinson, R. (1953), *Plato's Earlier Dialectic*. Oxford: Clarendon Press.
- Scolnikov, S. (2003), *Plato's Parmenides*. Translated with Introduction and Commentary. University of California Press.
- Scolnikov, S. (2018) *Plato's Method of Hypothesis in the Middle Dialogues*. Edited by Harold Tarrant. Baden-Baden: Academia-Verlag.
- Szabó, Á. (1969), *Anfänge der griechischen Mathematik*. Budapest: Akadémiai Kiadó; München; Wien: Oldenbourg Verlag.
- Volf, M. (2020), “The Hypothetical Method in Plato: Is a Discussion Useful?”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 14.1: 246–256. (In Russian.)
- Volf, M. (2012), *Philosophic Inquiry: Heraclitus and Parmenides*. Saint Petersburg: RHGA. (In Russian.)